

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК +929

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ КАК ТИП ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Статья вторая)

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

Статья содержит характеристику пока еще недостаточно изученных специфических признаков научной биографии писателя, ее внутренней методологии, источниковедческого оснащения и основных принципов ее построения.

Ключевые слова: научная биография, писатель, типология, источники, структура, писатель.

Scientific Biography of a Writer as a Type of Literary Study (Article Two)

A. A. Demchenko

The article contains the description of yet not thoroughly studied specific signs of a scientific biography of a writer, its internal methodology, its source-based capacities, and basic principles of its structure.

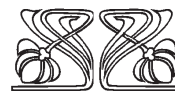
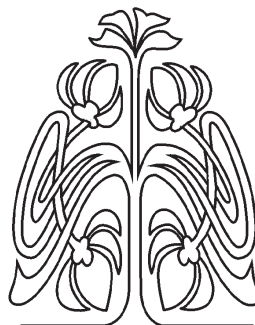
Key words: scientific biography, writer, typology, sources, structure, writer.

Окончание (см. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 51–61)

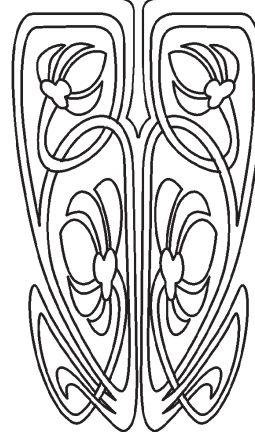
1

В настоящее время вполне сложившимися можно считать следующие *типы* биографических трудов о писателях: «Летопись жизни и деятельности», «Энциклопедия жизни и творчества», монография типа «Жизнь и творчество», книги с обозначением «Материалы для биографии», художественные жизнеописания, критико-биографический очерк, научно-популярная биография, краткая биографическая справка. Это равноправные, но далеко не равнозначные издания, и каждое имеет свои особенности, свои цели и задачи. Один из способов выяснения специфических черт научной биографии – сопоставление ее с получившими широкую практику биографическими работами.

Первая бросающаяся в глаза и как будто не вызывающая сомнений особенность научной биографии – полнота приводимых биографических фактов. Конкурентом здесь выступает разве что «Летопись жизни и деятельности», и потому о ней необходимо сказать подробнее. Подобные работы впервые появились под названиями «Хронологическая канва» и были посвящены А. С. Пушкину (Я. К. Грот, 1887), А. С. Грибоедову (И. А. Шляпкин, 1889), Н. В. Гоголю (А. И. Кирпичников, 1902), Ф. И. Тютчеву (В. Я. Брюсов, 1903), А. В. Кольцову (А. И. Лященко, 1909), И. С. Тургеневу (Н. М. Гутьяр, 1910), «Труды и дни» о А. С. Пушкине (Н. О. Лернер, 1903, 1910), А. А. Блоке (Н. С. Ашукин, 1923), А. Н. Островском (Г. Т. Синюхаев, 1924), «Летопись жизни», посвященная В. Г. Белинскому (Н. К. Пиксанов, Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман, 1924). Со временем «Летописи» обрели типологическую устойчивость как свод имеющихся налицо фактических сведений, связанных исключительно их хронологической последовательностью

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

– о Ф. И. Тютчеве (Г. И. Чулков, 1933), Н. Г. Чернышевском (Н. М. Чернышевская, 1933, 1953), И. С. Тургеневе (М. К. Клеман, 1934), Н. А. Некрасове (А. С. Ашукин, 1935), Ф. М. Достоевском (Л. П. Гроссман, 1935; И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская и др., 1993–1995), Л. Н. Толстом (Н. Н. Гусев, 1936; Л. Д. Опульская, 1958), А. С. Пушкине (М. А. Цявловский, 1951), Н. А. Добролюбова (С. А. Рейсер, 1953), А. Н. Островском (Л. Р. Коган, 1953), А. П. Чехове (Н. И. Гитович, 1955), В. Г. Белинском (Ю. Г. Оксман, 1958), А. И. Герцене (И. Г. Птушкина, 1974–1987), А. П. Чехове (в 5 т., 2004). В «Летописи» нет и не может быть связного биографического повествования. Для научной биографии «Летопись» может служить лишь справочным пособием, вспомогательным источником. На практике же «Летописи», ввиду отсутствия научной биографии о том или ином писателе, зачастую стремятся принять на себя многие ее функции, и это запутывает представление о типе биографических работ. Не свойственные «Летописи» задачи в конечном счете негативно отражались на принципе отбора материалов, способах их научного описания и на содержании в целом.

Перерастание «Летописи» из биобиблиографического справочника в монографию с более широкими полномочиями показательно, например, для книги о Чернышевском¹. В рецензиях на это издание, указывающих на перегруженность книги излишними подробностями и некритическое восприятие иных источников², видна также вполне понятная озабоченность по поводу структуры трудов этого типа. Следующее издание «Летописи», значительно расширенное³, еще более отдалило ее от целей справочно-библиографического описания, поскольку включало множество сведений и характеристик, касающихся событий и фактов тогдашней общественной жизни и выходящих за пределы непосредственной биографии писателя. Объективные причины развития подобной тенденции по-прежнему коренились в отсутствии обобщающего научно-биографического труда. Не случайно в пособиях по Чернышевскому посвященная ему «Летопись» включалась то в раздел биографических работ⁴, то в библиографический отдел⁵. В последующие годы Н. М. Чернышевская продолжила работу над «Летописью», исправляя неточности, наполняя ее новыми датами и фактами. «Основная задача, поставленная составителем «Летописи» при подготовке нового издания, – писала Н. М. Чернышевская, – усиление документизации. В связи с этим пересмотрены ранее принятые установки принципиального характера и, прежде всего, принцип подачи таких фактов, которые в настоящее время значительно пополнялись полемической источниковедческой литературой и относятся к области спорных вопросов в биографии Чернышевского. Издание «Летописи» 1953 года не касалось разноречий в источниках»⁶. К сожалению, работа над третьим

изданием «Летописи» не была завершена автором, и неясно, насколько она коснулась бы уточнения самого типа издания. Разумеется, уже при существующей научной биографии Чернышевского новое издание «Летописи» должно было бы предусмотреть значительное сокращение сведений, не имеющих прямого биографического назначения.

Известная доля превышения возможностей «Летописи» характерна и для труда о В. Г. Белинском. «В этой работе, – указывал автор, – мы пытались разрешить, с одной стороны, задачи, стоящие перед всеми биобиблиографическими справочниками подобного типа, а с другой – построить ее все же как книгу для чтения, а не только для справок, то есть, не выходя из рамок летописи, восстановить течение “трудов и дней” Белинского во всей их конкретно-исторической значимости, живой непосредственности и взаимосвязи»⁷. Своеобразной «книгой для чтения» стала и «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», составленная в 1936 г. Н. Н. Гусевым. Она «более, чем справочное издание. Автор сумел оживить сухой язык хронологических дат», и потому летопись Толстого представляет «и общий, и специальный интерес»⁸. О книге, посвященной А. П. Чехову (Н. И. Гитович, 1955), говорилось как о «рассчитанной на широкого читателя, а не только на специалистов»⁹.

В свое время М. А. Цявловский ставил вопрос о том, «в какой мере вводить в состав “Летописи” исторические события, тот социальный фон, на котором слагалось мирозерцание, протекала жизнь и развивалось творчество Пушкина». Сам М. А. Цявловский предельно ограничивал подобный материал, включая в «Летопись» «лишь основные исторические события, без которых невозможно правильное понимание творчества Пушкина»¹⁰. По поводу «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» писали, что она принадлежит к специальным биобиблиографическим пособиям и не является книгой для широкого чтения¹¹. Автор книги о Ф. И. Тютчеве отмечал только те из политических и социальных событий, которые «находятся в связи с тем или иным высказыванием Тютчева в стихах и письмах, в статьях или в связи с фактами его биографии»¹². Аналогичной была позиция автора работы о Н. А. Некрасове: «...связаны с его биографией, нашли отклик в его творчестве»¹³. Вопрос был тем более важен, что ответ на него прояснял взгляды биографа, вынужденного откликаться на требования утверждавшейся в литературоведении жесткой социологической методологии, которая, претендуя на подлинную научность, категорически требовала оценки писателя прежде всего с классовых позиций. Например, посвященная И. С. Тургеневу «Летопись» «подчиняла отбор дат задачам научного исследования, выделяя и подчеркивая социальные связи и отношения, определявшие и личную биографию писателя, его общественно-политические отношения, и

факты его творческой деятельности», выявляла «его позицию в классовой борьбе эпохи»¹⁴. В книге М. К. Клемана было поддержано именно понимание «классовой сущности писателя», которое, как отмечал один из рецензентов, служило «путеводной нитью» в отборе фактов и сведений для хронологической канвы. Акцент в книге и рецензии делался на политических высказываниях Тургенева¹⁵. Исследователь Л. Н. Толстого сосредоточен на выяснении облика Толстого-писателя, но, переиздавая свой труд двадцать лет спустя, тот же автор сообщал: «В центре настоящей “Летописи” – Толстой-писатель и общественный деятель»¹⁶.

На книге Ю. Г. Оксмана о В. Г. Белинском, о которой шла речь выше, нет и не могло быть печати вульгарного социологизма. Можно думать, что включение в его «Летопись» исторических и литературных сведений небиографического плана обусловлено было полемическими соображениями, связанными с вызывавшими его несогласие трактовками, которые содержались в вышедших в 1849 и 1854 гг. двух томах биографии Белинского, написанной В. С. Нечаевой¹⁷. В целом труд Ю. Г. Оксмана был по праву высоко оценен в печати, «Летопись» привлекала «строго научным подходом к сообщаемым фактам и явлениям. Перед нами справочно-библиографическая работа и в то же время оригинальный научный труд», книга стала «настоящим событием в нашем литературоведении»¹⁸.

Попытку совместить задачи «Летописи» с научно-биографическими изысканиями предприняли составители книги о А. И. Герцене, «обобщающей биобиблиографической» работы, построенной, однако, таким образом, чтобы «отчасти заменить» научную биографию писателя¹⁹.

Жанр «Летописи» более последовательно выдержан составителями трехтомного издания о Ф. М. Достоевском: «Строго выверенный хронологический свод», «исторические, политические, литературные и т. д. события современной Достоевскому русской и европейской действительности отражены в “Летописи” лишь в связи с преломлениями их в биографии и творчестве писателя»²⁰.

Другим сопутствующим научному жизнеописанию типом биографического труда является «Энциклопедия жизни и творчества», получившая плодотворное развитие в зарубежном литературоведении. В нашей науке для писателей XIX в. опыт создания подобного исследования предприняли лермонтоведы²¹. Сюда вошли самые разнообразные, разнохарактерные, претендующие на энциклопедическую широту факты жизни и творчества поэта и его эпохи. В «Лермонтовской энциклопедии» основное место занято разделом «Алфавитная словарная часть энциклопедии», затем идут разделы «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», «Основная литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова», «Словарь рифм Лермонтова», «Частотный словарь

языка Лермонтова». Читатель найдет здесь также большую обзорную статью «Лермонтоведение», излагающую историю изучения жизни и творчества поэта от начала 1840-х до 1970-х гг. Подобно «Летописи», «Энциклопедия» принадлежит по преимуществу к справочной научной литературе.

Установлено отличие научных биографий от критико-биографических очерков, в которых описание жизни является лишь своеобразной канвой для рассказа о творческом пути писателя. Изучать жизненный путь как таковой их авторы не обязаны, «для них достаточно бывает написать итоговую, на основе существующих изучений, картину жизни писателя. Разве лишь запутанные, сложные эпизоды из биографии писателя могут заставить автора очерка произвести специальные разыскания и дать самостоятельное освещение неясных вопросов»²².

Например, в научной литературе о Чернышевском критико-биографические очерки выделяются особым списком²³. В них учитывались современные им методологические достижения литературоведческой науки и разбросанные по многочисленным сборникам и журналам биографические публикации. Высокую оценку в свое время получила работа А. П. Скафтымова, выделявшаяся «содержанием, четкостью композиции и научным оформлением»²⁴. Научно-биографическое исследование, несомненно, опирается на результаты критико-биографических работ.

Типологически близки такого рода трудам книги, выпускаемые издательством «Просвещение» в качестве пособий для учителей и учащихся²⁵.

С 1940-х гг. чрезвычайное распространение получили монографии типа «Жизнь и творчество». Их авторы «разработали способы рассмотрения фактов жизни, мировоззрения и творчества писателя в их единстве, в сложных взаимоотношениях»²⁶. Именно с развитием монографического типа исследования связано настоящее и будущее научных биографий русских писателей. Значение современной литературоведческой монографии А. С. Бушмин связывал с «повышением проблемности исследований», с «преодолением консерватизма и традиционализма в понимании наших задач»²⁷. По справедливой характеристике, не теряющей актуальности, монография составляет «основу больших исследований, важных научных концепций»²⁸.

Сближение научных биографий с монографией типа «Жизнь и творчество» происходит на основе общенаучной методологии. Сходно формулируется ими главная проблема, выдвигаемая биографическим жанром, – описание жизни художника слова. Однако у них не совпадает специальная задача: автор научной биографии исследует *жизнь* писателя, автор монографии о жизни и творчестве преимущественно сосредоточен на изучении его *творческого пути*.

В биографической литературе известен еще один тип исследования, сближающийся с научной

биографией. Его условное обозначение – «Материалы для биографии». Общеизвестно высокое достоинство книги П. В. Анненкова «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии», изданной в 1855 г. Ее по праву называют «лучшей биографией Пушкина»²⁹. Значительным научным вкладом в изучение Л. Н. Толстого стал четырехтомный труд Н. Н. Гусева³⁰. Однако ставить знак равенства между этими изданиями и научной биографией нельзя. Называя свои работы «Материалами», авторы сами сознавали их назначение и цели. К тому же не может быть признана научная концепция Анненкова «двух Пушкиных»: Пушкин в жизни ниже-де Пушкина в искусстве, и в результате творчество поэта рассматривается как факт небюрографический³¹. Неправоммерно также приращение Пушкина исключительно к адептам «чистого искусства». По отношению к четырехтомнику Н. Н. Гусева уже справедливо указывалось, что, конечно, эта работа не может расцениваться как простой свод материалов для биографии, но все же она «еще не биография писателя»: многие моменты жизни Толстого не осмыслены концептуально и даны лишь в качестве подготовительных, сырых материалов; не всегда улавливается внутренняя логика разнохарактерных событий, изложенных вперемешку на том основании, что они совершались в один промежуток времени; вне связей с биографией Толстого дается свод рецензий и отзывов на его сочинения; излишне подробно исследуется творческая история работы писателя над художественным произведением с привлечением обширных черновых редакций – «изыскания такого рода вряд ли необходимы, в них форма обстоятельного научного исследования перестает соответствовать содержанию»³².

Отличие научной биографии от научно-популярной серии очевидно. Популярные работы не ставят перед собой исследовательских заданий, ограничиваясь доступным для широкого читательского круга изложением жизненного и творческого пути. Таковы, например, биографии серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ») или популярные биографии, издаваемые массовыми тиражами.

Краткая биографическая справка обычно предназначена для первоначального ознакомления читателя с автором художественного произведения. Информационная направленность ограничивает ее биографические возможности.

Не менее очевидно различие между биографиями научной и художественной. В первой нет места художественному вымыслу, во второй его присутствие вполне уместно. Художественные биографии редко бывают удачными. Признанными мастерами подобного жанра были Ю. Тынянов, В. Шкловский, И. Андронников. Однако неправоммерно противопоставлять научно-биографическому исследованию художественную (беллетризованную) биографию как имеющую несомненные преимущества и достоинства в освещении личности творца. У каждой из этих

биографий свои задачи и свои специфические возможности для их решения.

2

Специфические признаки научной биографии не могут быть выяснены вполне без учета ее *частной, собственной, специальной методологии*, обусловленной особенностями предмета исследования – жизни писателя. Имеется в виду, по замечанию Е. И. Покусаева, «нелегкий вопрос пропорций, дозировки социального фона», а также «не менее сложный вопрос: как и в каких отношениях в научно-биографическом труде привлекаются сочинения писателя, проводится их разбор»³³. Рассмотрим эти проблемы каждую в отдельности с привлечением материала существующих в истории русской литературы XIX в. научных биографий Белинского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского.

Биография Белинского³⁴ встретила «вполне благожелательный прием у читателей»³⁵.

Прежде всего – о типе труда. Обозначение «научная биография» присутствует только во втором томе (2; 4). В третьем и четвертом томах – «жизнь и творчество», однако во «Введении» третьего тома оговорено, что читателям предлагается именно научная биография (3; 3), а во «Введении» четвертого читаем: «Этой книгой заканчивается исследование о жизни и деятельности Белинского» (4; 3) – название «научная биография» сохранено здесь лишь в аннотации. Вывод напрашивается сам собой: налицо либо неуверенность автора в обозначении типа исследования, либо представление об идентичности «научной биографии» книгам типа «жизнь и творчество». В любом случае, полагаем, имеет место нечеткость типологического различия исполненного труда. Анализ содержания (пока лишь с точки зрения решения проблемы писатель – эпоха) подтверждает этот вывод, поскольку в книгах широко привлечен исторический и мемуарный материал, не имеющий непосредственного отношения к жизни Белинского (напр.: 1; 50–61, 118–156. 2; 7–28, 116–140). Четырехтомное исследование оказалось все же ближе к монографии типа «жизнь и творчество», чем к научной биографии.

Работа В. Е. Евгеньева-Максимова о Некрасове³⁶ демонстрировала свой вариант биографического построения. Автор писал о своем исследовании: «Назвав его “Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова”, я тем самым подчеркиваю, что ставлю своей целью, наравне с биографией поэта, более или менее всесторонне осветить в нем и литературно-общественную деятельность Некрасова. А так как Некрасов был не только великим писателем, но и крупнейшим деятелем русской журналистики, организатором литературных сил, то отсюда вытекает, что и его журнальная деятельность привлекает к себе мое внимание в довольно значительной степени» (1; 4). Не удовлетворившись этим заявлением, Евгеньев-Максимов счел нужным уточнить свои задачи.

«Быть может, – писал он, – некоторым читателям и критикам покажется, что биографии отведено в тексте первого тома непропорционально большое место. Если бы подобного рода упреки были мне предъявлены, то я ответил бы на них, что мое исследование, – недаром я назвал его “Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова”, – в значительной части является именно биографической работой, а затем, что меня интересует не столько личная, сколько социальная сторона биографии Некрасова, и что нет ни одной биографической проблемы из затрагиваемых в моей книге, которую я не старался бы осветить именно с социальной стороны» (1; 5).

Ясно, что автор, прежде всего, старался отвести возможные упреки в узком биографизме, в некритическом отношении к «биографическому методу» – ведь первый том печатался в 1947 г., когда биографические работы не были в почете у тогдашней критики. Но более всего нас интересует в данном случае попытка автора определить природу своего труда. Исследователя не вполне удовлетворяла работа, в которой жизнь поэта освещалась бы параллельно его творчеству. Евгеньев-Максимов склонялся все же к тому, что его исследование в значительной части является именно биографической работой. Отчетливо видится стремление отойти от привычного в те годы исследования типа «жизнь и деятельность» и на его основе создать биографическую монографию нового типа. Один из рецензентов уловил эту тенденцию: «Труд В. Евгеньева-Максимова будет первой научной биографией великого русского поэта»³⁷.

Однако научной биографией исследование о Некрасове не стало. Оно все же не смогло преодолеть традиционной структуры «жизнь и деятельность», хотя в нем определенно проглядывают черты научно-биографического труда. Трехтомник сохранил специфические признаки переходной методологии – отсюда ее непоследовательность, шаткость, нечеткость, вызванная не столько концепцией биографа, сколько получившими отражение в рецензиях идеологическими причинами.

Показателен также опыт работы Ю. М. Стеклова над двухтомником о Чернышевском³⁸. На первый взгляд – это биография, изложение жизни писателя от рождения до смерти. Однако биографический принцип повествования выдержан только в первых частях первого тома и в трех последних второго – всего 11 глав. Значительнейший объем двухтомника отдан характеристике взглядов Чернышевского и событий его эпохи – 21 глава.

По сравнению с первым изданием той же монографии (однотомник 1909 г.), Стеклов значительно расширил биографический материал и углубил его анализ, чтобы тем самым предупредить возможный упрек, высказанный в свое время Н. С. Русановым. «Работу г. Стеклова, – писал тот по поводу книги 1909 г., – портит несколько недостаток общей архитектуры: автор сначала занимается биографией молодого

Чернышевского, потом переходит к подробному изложению и критическому освещению мирозерцания Чернышевского с разных сторон; затем снова возвращается к биографии уже сложившегося Чернышевского и его последующей судьбе. Книга вышла бы стройнее и ярче, если бы г. Стеклов сгруппировал собственно биографический материал особо, а оценку взглядов Чернышевского дал тоже особо»³⁹. Преодолеть отмеченный недостаток автор двухтомника полностью не смог, и проблема типа исследования им так и не была решена. Двухтомник Стеклова биографичнее структуры «жизнь и творчество» и недостаточно биографичен по отношению к научной биографии.

О достоинствах и недостатках существующей четырехтомной научной биографии Чернышевского говорилось в рецензиях, появившихся по мере выхода томов из печати⁴⁰.

Наиболее удачно, на наш взгляд, проблема писателя – среда решена в биографической четырехтомной монографии С. А. Макашина о М. Е. Салтыкове-Щедрине⁴¹, особенно во втором томе. В первой книге еще можно найти страницы, где так называемый социальный фон или характеристика среды опережали собственно биографическое исследование. Во втором томе автор не только избежал подобных моментов, но и дал образцы биографического изучения социальной и идейно-литературной среды. Сошлемся на отзыв рецензента, внимательно проанализировавшего эту сторону биографии: «Макашину удалось социально типизировать писательский облик Салтыкова и в то же время не поступиться “частным”, индивидуальным, характеризующим сатирика как личность с особым миром чувств, как личность особой нравственно-психологической складки, “отмеченную” судьбой, дарованиями, привычками. Автор идет, так сказать, вдоль “хронологической канвы” биографии Салтыкова, что и понятно. И вместе с тем он умеет сосредоточиться на сложных, напряженных моментах жизни, деятельности, “сторон души” писателя, выдержав в структуре биографии необходимую меру»⁴². В этой оценке заключена целая программа для любого научного биографа.

Таким образом, правильное теоретическое представление о внутренней диалектической связи личности с эпохой и конкретной средой само по себе еще не устраняет определенных трудностей, когда проблему «дозировки» социального фона в биографии приходится решать практически. Успешное нахождение верных пропорций, о которых идет речь, в каждом конкретном случае зависит не только от методологической вооруженности биографа, но и в значительной мере от мастерства автора жизнеописания, от его умения исследовать важнейшие биографические факты, конкретные (объективные и субъективные) условия, с которыми связано возникновение и существование этих фактов, увидеть в индивидуальных

проявлениях личности писателя социальное, а в социальном рассмотреть только данной личности принадлежащие черты и влияния.

Не менее сложной предстает и другая проблема специальной (частной) методологии научной биографии – разработка принципов анализа произведений писателя.

Если четырехтомное исследование В. С. Нечаевой о Белинском считать научной биографией, как предлагалось автором, то предложенные здесь принципы и способы исследования художественных и литературно-критических сочинений вызывают серьезные сомнения. Вот как, к примеру, рассматривается драма молодого Белинского «Дмитрий Калинин», которой в двух томах отведено четыре главы. Сначала дается к тексту нечто вроде реального комментария на темы крепостнической действительности, затем состав драмы изучается на фоне идейно-художественного наследия писателей XVIII и первой трети XIX в. (1; 307–383) и, наконец, в связи с пребыванием Белинского в Московском университете (2; 116–140). Само по себе подобное всестороннее исследование драмы заслуживает высокой оценки. Но оно явно перекрывает потребности биографического изучения, разрывает структуру биографии, обнаруживая очевидные тенденции к самостоятельному существованию вне ее границ. Столь же неоправданно широко проведено исследование статьи «Литературные мечтания»: одна глава посвящена истории ее написания (2; 234–258), вторая – анализу ее содержания (2; 259–293). При этом история написания (создания) трактуется чрезвычайно широко, и подавляющая часть главы содержит данные о неурожае 1833 г., о возбуждении крестьян и возникновении ряда судебных дел в Клинском уезде Московской губернии, о волнениях городской бедноты в Москве, о журнальной жизни того времени. Существенные для биографии сведения приведены всего на нескольких страницах. Литературоведческий анализ самой статьи вообще почти полностью провисает в книге, выходя далеко за пределы биографического повествования.

Принципы анализа сочинений Белинского остаются практически неизменными и в двух последующих томах монографии. В изучении литературного наследия критика автор остается в границах исследования типа «жизнь и творчество». «Характеристика философских, социальных, литературных взглядов критика составляет самую суть работы», – отмечал рецензент⁴³.

Биография Некрасова демонстрировала поиски несколько иного подхода к изучению сочинений писателя. Особенно ценными в этом отношении представляются материалы первых двух томов.

В главе о родителях поэта В. Е. Евгеньев-Максимов решает «принципиальный вопрос», насколько допустимо опираться на имеющиеся в произведениях Некрасова биографические данные. Ведь художественное творчество каждого писате-

ля-реалиста заключает в себе не только элементы действительности, но и элементы вымысла, «не лишает ли это возможности рассматривать биографические и автобиографические высказывания поэта, столь многочисленные в его произведениях, как один из источников биографического характера?» Подобный вывод автор монографии справедливо называет и поспешным и, по существу, неправильным. При всей сложности установить границу между вымыслом и действительностью «все же если не всегда, то в некоторых случаях это, безусловно, возможно. Одной из задач исследователя, – писал В. Е. Евгеньев-Максимов, – и является установление этой границы на основе, разумеется, не субъективных, а объективных соображений, подкрепленных, по возможности, не вызывающими никаких сомнений фактами» (1; 26). Ряд стихотворений Некрасова исследователь подает именно как источник для биографии, включая их в систему изучаемых биографических материалов. Автор успешно устанавливает несомненную биографическую достоверность всякого рода упоминаний, содержащихся в стихотворениях «Родина», «Псовая охота», «Несчастные», «Суд», «Затворница», «Мать» и др.

К сожалению, тогдашние рецензенты не поддержали литературоведа-биографа в этой части его исследований. Причину, по всей вероятности, следует видеть в том, что о монографии судили по устоявшимся законам построения книг типа «жизнь и творчество». Евгеньев-Максимов был немедленно обвинен в узком биографизме, в приверженности к методу, не характерному для советского литературоведения. Замечания формулировались следующим образом: «Автор не касается темы “Некрасов-художник”, “Некрасов-поэт” – темы мастерства», «говоря о стихах и прозе Некрасова, Евгеньев-Максимов сводит свою задачу к изложению произведений, не делая серьезных попыток анализа этих произведений»⁴⁴.

Третий том монографии Евгеньев-Максимов построил уже так, как того требовали, уделяя преимущественное внимание идейно-художественному анализу сочинений писателя. Рецензенты с удовлетворением тут же отметили: автор «учел справедливо сделанные ему критические замечания и в третьем томе устранил тот мелочный биографизм, который отмечался в первых томах»⁴⁵.

Тем не менее в замечаниях рецензентов заключалась и доля истины. В первых двух томах сочинения Некрасова рассматривались почти исключительно как источник для биографии. Между тем они являются еще и фактом биографии, и в этом качестве они должны были, хотя бы и очень кратко, характеризоваться и с точки зрения их художественного содержания. Другое дело, что изучение мастерства, поэтики составляет задачу иного типа исследования, не биографии. Но в биографии, конечно же, должна содержаться опирающаяся уже на проведенные другими ис-

следователями характеристики этого мастерства. В каждом данном случае, будь то художественное произведение или публицистическая, литературно-критическая статья, биограф обязан искать свой, биографический аспект в изучении творчества писателя.

Сложная задача определения места художественного произведения в биографии успешно решены С. А. Макашиным, а впоследствии Ю. В. Манном, и то, как именно это сделано авторами, может послужить образцом мастерства биографа. Ю. В. Манн в своей биографии Н. В. Гоголя, например, писал о «тонкой зависимости», когда «творчество вырастает из жизненного и духовного опыта писателя, стимулируется этим опытом, становясь таким образом решением не только общечеловеческих и общенациональных, но и сугубо личных проблем»⁴⁶.

Разработка в научной биографии принципов анализа социальной среды и сочинений писателя тесно увязана с вырабатываемой биографом концепцией личности творца художественных ценностей. В этой связи важное значение приобретает изучение творческой индивидуальности. Как именно личность художника, факты его жизни, обнаруживающие проявление этой личности, должны присутствовать в биографии – эта задача практически решается биографом в зависимости от типа создаваемого им труда. Автор художественной биографии стремится к воссозданию облика писателя в возможно большей полноте его индивидуального проявления. В сущности, та же задача и у автора научной биографии, но пользуется он не художественными средствами изображения, допускающего вымысел, а средствами научного исследования, принципиально исключающего всякий вымысел. Указанной спецификой научной биографии усложняется способ «подачи» личности писателя. В. С. Нечаева рассказала о семейной жизни В. Г. Белинского в особой главе, напечатанной в качестве приложения в последнем томе (4; 443–478). В первом томе биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина «факты личной биографии» составили всего лишь содержание одной из подглавок (1; 329–347). Во втором томе автор по-прежнему считает важным «взглянуть на бытовую повседневность его существования, памятуя о словах Белинского: “Я придаю явлениям постоянным, ежедневным фактам личной жизни, их причинам и законам такое же значение, какое историки придаю явлениям общественной жизни”» (2; 7). Однако здесь биограф идет уже по другому пути сравнительно с В. С. Нечаевой. Теперь эти факты рассредоточены по всей книге: подглавке «Женитьба», в виде разрозненных сведений, вплетаемых в разные главы томов биографии. Так поступил и В. Е. Евгеньев-Максимов в первых двух томах биографии Некрасова – способ, который можно признать наиболее целесообразным и удачным для этого типа исследования.

3

Сравнительно с другими типами биографических построений научная биография особенно тесно связана с источниковедением, и ее исследовательская методика определяется *критическим анализом* источников и первоисточников.

К основным источникам для жизнеописания, как известно, относятся сочинения писателя, автобиографические сведения, эпистолярное наследие, мемуары, документы самого различного происхождения⁴⁷. Источники, сохранившиеся в рукописном исполнении автора или в каком-либо другом первоизданном виде, называются первоисточниками. Только при комплексном изучении *всех видов источников* (с привлечением в необходимых случаях и первоисточников) возможны исследование жизни писателя и объективная оценка его наследия.

Автобиографические материалы могут содержаться в «Автобиографиях», дневниках, присутствовать в сочинениях, письмах, в некоторых документах. Эти данные, как, впрочем, и все другие источники, требуют критической оценки и по возможности постоянного сопоставления с другими биографическими материалами.

Автобиографии и дневники писателей всегда составляли основу для труда их биографов⁴⁸. Дневники Николая Чернышевского-студента и молодого Льва Толстого послужили надежным источником в характеристике их духовного, нравственного становления, творческого взросления. Незаменимым источником являются, например, дневники профессора Петербургского университета и цензора А. В. Никитенко, известного писателя и критика А. В. Дружинина⁴⁹.

Важную группу источников составляет эпистолярный комплекс. В письмах личность писателя раскрывается с особой непосредственностью и живостью. «Письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»⁵⁰. Один из исследователей, уделявший внимание биографическому жанру, отмечал: «Не вымысел, не увлекательный сюжет, не художественные образы влекут к себе читателей в этих письмах, но драгоценные подробности жизни их авторов», и они «несомненно послужат основой для написания точных, исторически конкретных биографий»⁵¹. Приведем (не покажется лишним!) суждение П. А. Вяземского, автора биографии Фонвизина: «Переписки, они очевидные деяния, они, так сказать, снимки с жизни, ее переживающие, всегда драгоценны или в домашнем или в общественном отношении; еще драгоценнее, когда в обоих»⁵².

Науке и издательской практике известны отдельные выпуски писем русских писателей⁵³. Остается сожалеть, что подобные книги пока еще не стали особой научно (и полиграфически) оформленной серией.

Не менее значительными, чем письма, но зачастую все же уступающими им по степени

достоверности, являются мемуарные источники, конечно, «ценимые только по мере верной и точной передачи ими действительных событий»⁵⁴. «Всегда высоко интересные как сама жизнь»⁵⁵, подлинно правдивые мемуары сообщают ничем не заменимые сведения о писателе. «Говорят, – писал Н. М. Карамзин в 1803 г. по поводу характеристики И. Богдановича, – что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора»⁵⁶.

Воспоминания современников о писателях получили добротную издательскую базу в известной «Серии литературных мемуаров», выпуск которой уже многие годы осуществляет центральное издательство «Художественная литература»⁵⁷.

Анализ мемуаров обычно сопряжен с особыми трудностями. Принадлежащие людям различных литературных вкусов, политических убеждений, личных привязанностей, воспоминания о писателях часто нуждаются в тщательной критической проверке. Нередки случаи, когда мемуарист, взявшись за описание прошедших событий много лет спустя, допускал весьма существенные ошибки, искажения, всякого рода неточности. Некритическое восприятие таких сообщений может повлечь за собой нежелательные последствия.

Существует тенденция к сближению мемуаров с научной биографией. В «Краткой литературной энциклопедии» утверждается, что «по материалу, его достоверности и отсутствию вымысла большинство мемуаров близко исторической прозе, или научным биографиям, или документально-историческим очеркам»⁵⁸. Мемуары, несомненно, самостоятельны по типу повествования, но они никогда не смогут и не должны претендовать на значение научных биографий, по отношению к которым играют только подчиненную, источниковедческую роль.

Среди источников особое место в научной биографии писателя занимают документы – семейные, официальные, общественно-политические, историко-литературные. Чем богаче и разностороннее документальная база, тем достовернее и обстоятельнее научно-биографическое исследование. Разумеется, дело не в количестве приведенных документов, а в их качественном содержании, в их соотносительности с задачами данной биографии, в их совокупной с другими источниками целенаправленности и доказательности.

Имеют существенное значение поиски биографом новых, еще не изученных документальных данных. При этом важно не публикаторское использование новооткрытых материалов, в том числе и архивных, а их «максимально полное исследовательское обобщение»⁵⁹.

Получают известную ценность современные виды источников, связанные с телевидением, видеофильмами, радио и пр. – выступления писателей, беседы с ними, различные формы интервью.

К специальной методологии научной биографии должен быть отнесен вопрос о принципах учета и отбора фактических данных.

На первое место выдвигается принцип всестороннего учета фактов. Речь идет о необходимости привлечения к исследованию всего наличного биографического материала. Подобная опора на источники предупредит увлечение всякого рода схемами и предвзятыми, субъективными выводами. Истина заключена в источниках, а не в наших представлениях, какими бы привлекательными и правдоподобными они не казались. Наши представления о той или иной личности писателя, том или ином событии достоверны постольку, поскольку подтверждены надежными и критически выверенными источниками, рассмотренными во всем их объеме и содержании.

Принцип всестороннего учета фактов не следует толковать как требование обязательной фиксации всех попавших в поле зрения биографа данных. Имеется в виду изучение всего комплекса биографических фактов в целом и в их внутренней взаимосвязи, что обеспечивает конкретно-историческое исследование жизни писателя и предохраняет от модернизации, упрощения, вульгаризации и любого другого тенденциозного подхода к историческому прошлому.

По возможности полная регистрация фактов внутренне соотносена с другой важной проблемой – отбором фактов. Не подлежит сомнению зависимость типа биографического труда от принципов отбора данных. Существенное для художественной биографии, предполагающей эстетическое впечатление, может оказаться мало важным для научной биографии, преследующей исследовательские задачи. В научно-биографическом труде принципы всестороннего учета и отбора материалов продиктованы всей его проблематикой, логикой изучения.

Образцом научного осмысления и анализа биографических фактов являются работы Н. Л. Бродского, Н. Н. Гусева, В. Е. Евгеньева-Максимова, Ю. М. Лотмана, С. А. Макашина, В. С. Нечаевой, Б. В. Томашевского, Ю. В. Манна.

Сопоставление научной биографии с другими типами биографических трудов, анализ существующих научно-биографических монографий дают возможность определить основные черты научной биографии как самостоятельного типа литературоведческого исследования.

Предмет научной биографии – жизнь писателя, способ осмысления и хронологического описания этой жизни – научное исследование, осуществляемое посредством критического анализа источников, а в необходимых случаях и первоисточников. Литературное наследие писателя, его общественное бытие, отношение к современным ему историческим и литературным событиям его эпохи и его родины находятся в центре внимания биографа-исследователя, но он обязан показать их в единстве с конкретной жизнью писателя, с его

творческой индивидуальностью, его бытом и ближайшим окружением, с его мировоззрением, его личностью. Научная биография отличается полнотой исследуемых фактов, самостоятельными историко-литературоведческими разысканиями, стремлением обобщить, существенно дополнить и уточнить имеющиеся знания о жизни писателя.

В кратком виде определение получит следующий вид.

Научная биография писателя – это обобщающее литературоведческое исследование жизни творца, построенное на документальной основе, осуществляемое посредством критического анализа источников и определяющее своеобразие личности художника в ее единстве с эпохой, общественной средой и творческим самовыражением.

Как следует из сказанного, научно-биографическое изучение выполняет две задачи. С одной стороны, это – последовательно-хронологическое изложение жизни писателя в разнообразных и прежде всего творческих ее проявлениях, выявление основного, доминирующего в писательской деятельности и судьбе признака, обусловившего определенное место писателя в истории литературы и общественного движения. С другой стороны, это – обобщающее исследование, которое может возникнуть только на достаточно высоком уровне науки о данном писателе.

Было бы ошибочным, однако, отводить научной биографии роль конечного, исчерпывающего изучения писателя. Никакое исследование не может принять на себя подобной задачи. В сложном процессе историко-литературного познания научная биография как монографический труд представляет, в свою очередь, один из перспективных способов исследования, стимулирующего более глубокое изучение жизни и творчества. Специфика исследования – биографическая направленность – локализует значение научно-биографического труда. В то же время углубленное представление о жизни писателя предоставляет исследователям его творчества (например, поэтики художественного текста) дополнительные знания, а порою и материалы для постижения особенностей писательского дарования.

Примечания

- 1 См.: *Чернышевская-Быстрова Н.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М. ; Л., 1933.
- 2 См.: Лит. газ. 1934. № 53 ; Каторга и ссылка. 1934. № 3.
- 3 См.: *Чернышевская Н.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
- 4 См.: Н. Г. Чернышевский. Рекомендательный указатель литературы / науч. ред. М. Григорьян. М., 1953. С. 202.
- 5 См.: *Николаев М.* Н. Г. Чернышевский. Семинарий. Л., 1959. С. 75.
- 6 *Чернышевская Н.* Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Вып. 2. С. 201.
- 7 *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 3.
- 8 *Ильинский И.* Вехи биографии Льва Толстого // Книга и пролетарская революция. 1936. № 10. С. 98.
- 9 *Виноградова К., Попов П.* Новый труд об А. П. Чехове // Октябрь. 1957. № 1. С. 223.
- 10 *Цявловский М.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина : в 4 т. М., 1951. Т. 1. С. III, XI.
- 11 См.: *Ипполит И.* Тургеневскому юбилею // Литературный критик. 1934. № 10. С. 211.
- 12 *Чулков Г.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М. ; Л., 1933. С. 8.
- 13 *Аиукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М. ; Л., 1953. С. 7.
- 14 *Клеман Н.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / под ред. Н. К. Пиксанова. М. ; Л., 1934. С. 12, 13.
- 15 См.: *Юнович Н.* К вопросу о создании научной биографии писателя // Художественная литература. 1935. № 4. С. 57.
- 16 *Гусев Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828–1910. М. ; Л., 1936. С. VII ; *Он же.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 3.
- 17 См.: *Демченко А.* Жанр «Летописи» в научном творчестве Ю. Г. Оксмана // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958 / отв. ред. Е. П. Никитина. Саратов, 1999. С. 39.
- 18 *Березина В.* Об изучении наследия Белинского // Новый мир. 1961. № 6. С. 258.
- 19 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена : в 5 т. / сост. И. Г. Птушкина. М., 1974. Т. 1. С. 7.
- 20 Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881 : в 3 т. / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская ; под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб., 1993. Т. 1. С. 7, 9. См. также: *Черных В.* Летопись как жанр историко-биографической литературы // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 627–632.
- 21 См.: *Лермонтовская энциклопедия* / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
- 22 *Бельчиков Н.* Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1975. С. 199.
- 23 См.: *Скафтымов А.* Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1947 ; *Рюриков Б.* Н. Г. Чернышевский. М., 1961 ; *Покусаев Е.* Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Саратов, 1967.
- 24 *Покусаев Е., Порох И.* Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Вып. 2. С. 317.
- 25 См., например: *Покусаев Е., Прозоров В. М. Е.* Салтыков-Щедрин. Биография. Л., 1969 ; *Наумова Н.* Н. Г. Чернышевский. Л., 1974 ; *Покусаев Е.* Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. М., 1976 ; *Прозоров В. Д. И.* Писарев. М., 1984.
- 26 *Пруцков Н.* Жанры и проблематика историко-литературных исследований // Современная советская

- историко-литературная наука. Актуальные вопросы. Л., 1975. С. 80.
- ²⁷ Бушмин А. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969. С. 97–98.
- ²⁸ Нечкина М. Монография : ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9. С. 77.
- ²⁹ Бурсов Б., Эйдельман Н. Душевные импульсы (диалог) // Лит. газ. 1975. № 49.
- ³⁰ См.: Гусев Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии : в 4 т. М., 1954–1970.
- ³¹ См.: Винокур Г. О. Ранние биографии Пушкина // Книжные новости. 1937. № 1. С. 18–19 ; Томашевский Б. Основные этапы изучения А. С. Пушкина // Томашевский Б. Пушкин : в 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 450–452.
- ³² Кузина Л. Биографический труд о Толстом // Вопр. литературы. 1958. № 6. С. 214–218.
- ³³ Покусаев Е. Особый литературоведческий жанр // Вопр. литературы 1973. № 10. С. 255.
- ³⁴ См.: Нечаева В. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811–1830. М., 1949 ; Она же. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1830–1835. М., 1954 ; Она же. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836–1841. М., 1961 ; Она же. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842–1848. М., 1968. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием тома и страницы в скобках.
- ³⁵ Нечаева В. С. [Рецензия] В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842–1848. М. : Наука, 1968 // Новый мир. 1967. № 7. С. 281.
- ³⁶ См.: Евгенийев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова : в 3 т. М., 1947–1952. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием тома и страницы в скобках.
- ³⁷ Архипов В. Монография о Некрасове // Новый мир. 1951. № 7. С. 271, 273 ; Лит. газ. 1951. № 74.
- ³⁸ См.: Стеклов Ю. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность : в 2 т. М., 1928.
- ³⁹ Русанов Н. С. Ученики Маркса о Чернышевском // Русское богатство. 1909. № 11. С. 72.
- ⁴⁰ См.: Гуральник У. Художественный мир Чернышевского // Вопр. литературы. 1979. № 8. С. 230–232 ; Гуральник У. Наследие Н. Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение. М., 1980. С. 242–243 ; Жданов В. Проблемы решенные и нерешенные // Вопр. литературы. 1980. № 3. С. 221 ; Травушкин Н. Научная биография Чернышевского // Волга. 1985. № 9. С. 160–162.
- ⁴¹ См.: Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949 (2-е изд. М., 1951) ; Он же. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография. М., 1972 ; Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е –1870-е годы. Биография. М., 1984 ; Он же. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989.
- ⁴² Покусаев Е. Особый литературоведческий жанр // Вопр. литературы. 1973. № 10. С. 255.
- ⁴³ Нечаева В. С. [Рецензия] В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842–1848. М. : Наука, 1968 // Новый мир. 1967. № 7. С. 282. Отметим здесь, что современное представление о личности В. Г. Белинского и его творческом наследии, существенно исправляющее методологические просчеты труда В. С. Нечаевой, см.: Егоров Б. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского : пособие для учителя. М., 1982.
- ⁴⁴ Архипов В. Монография о Некрасове // Новый мир. 1951. № 7. С. 272 ; Рюриков Б. Литературная заметка // Лит. газ. 1951. № 74.
- ⁴⁵ Гайденов Н. Книга о Некрасове // Лит. газ. 1953. № 96.
- ⁴⁶ Манн Ю. Гоголь. Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 6.
- ⁴⁷ См.: Фомин А. Путеводитель по библиографии литературы, биобиблиографии, хронологии и энциклопедии литературы. Л., 1943. С. 43 ; Берков П. Введение в технику литературоведческого исследования. М., 1955. С. 46 ; Бельчиков Н. Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М., 1963. Т. XII, вып. 2. С. 90 ; Богданов А., Юдкевич Л. Методика литературоведческого анализа. М., 1969. С. 20–23.
- ⁴⁸ См., например: Романова Г. Автобиографические жанры // Лит. учеба. 2003. № 6. С. 195–199 ; Егоров О. Дневники русских писателей XIX в. М., 2003 ; Гольдт Р. Модели личности автора в автобиографии и дневнике // Персональность : Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаагара. М., 2007. С. 307–325 ; Мишина Л. Некоторые теоретические вопросы жанра автобиографии // Россия и мир : вчера, сегодня, завтра : сб. науч. ст. М., 2011. С. 125–131.
- ⁴⁹ См.: Никитенко А. Дневник : в 3 т. / подг. текста и прим. И. Я. Айзенштока. М., 2004–2005 ; Карпеева Т. Дневники Н. Г. Чернышевского как объект литературоведческого исследования // Литературная критика в России : поэтика и политика. Казань, 2009. С. 95–100 ; Паперно И. «Если бы можно было рассказать себя...» : дневники Л. Н. Толстого / пер. с англ. Б. Маслова // Новое лит. обозрение. 2003. № 61. С. 288–295 ; Егоров Б. Проза А. В. Дружинина // Дружинин А. Повести. Дневник. М., 1986. С. 429–430.
- ⁵⁰ Герцен А. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1965. Т. 8. 1956. С. 290.
- ⁵¹ Модзалевский Б. Предисловие // А. С. Пушкин. Письма : в 3 т. / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М. ; Л., 1926–1935. Т. 1. 1926. С. III–IV. Также см.: Макогоненко Г. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 3, 41.
- ⁵² Вяземский П. Фонвизин, СПб., 1848. С. 68.
- ⁵³ См. например: Достоевский Ф. Письма : в 4 т. М. ; Л., 1929–1959 ; Толстой Л. Письма русским писателям. М., 1962 ; Тургенев И. Письма : в 14 т. М. ; Л., 1960–1967 ; Писемский А. Письма. М. ; Л., 1936 ; Григорьев А. Письма. М., 1999. Письма писателей входят обязательным разделом (часто многотомным) в собрания их сочинений.
- ⁵⁴ Белинский В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1953–1959. Т. 10. 1956. С. 316.
- ⁵⁵ Чечулин Н. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Пб., 1891. С. 11. Рассмо-

трение мемуаров в историческом плане и анализ их жанрового своеобразия см.: Чекунова А. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв. : опыт источниковедческого анализа. М., 1995 ; Тартаковский А. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997 ; Сутаева З. Мемуары как жанр // Академический театр. 1997. № 4. С. 206–207 ; Воронина Н., Сиротина И. Мемуаристика : К проблеме новой интерпретации текста // Бахтинские чтения. Вып. 2. Орел, 1997. С. 122–124 ; Милевская Т. Мемуары – перекресток трех наук (история, литературоведение, лингвистика) // История и филология : Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 229–234 ; Симонова Т. Соотношение художественного и документального как основа типологии мемуарной прозы // Современные методы анализа художественной прозы. Смоленск, 2002. С. 106–115 ; Нымы Е. К вопросу о мемуарной достоверности // Чеховиана : сб. ст. Вып. 11. М., 2007. С. 230–237.

⁵⁶ Русская литературная критика XVIII века : сб. тек-

стов / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В. И. Кулешова. М., 1978. С. 326.

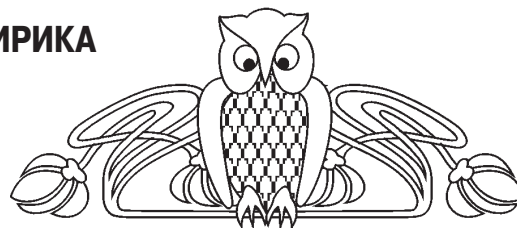
⁵⁷ См. например: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / вступ. ст. А. Д. Алексеева. Л., 1969 ; И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст. С. М. Петрова, сост. и подг. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд, коммент. В. Г. Фридлянд. М., 1969 ; Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников / вступ. ст. Г. В. Краснова, подг. текста Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1971 ; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. В. Э. Вацууро. М., 1974 ; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / сост. Е. И. Покусаев, А. А. Демченко ; подг. текста А. А. Демченко и М. И. Перпер ; вступ. ст. и примеч. А. А. Демченко. М., 1982. См. также: Дячук Т. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX–начала XX веков : автореф. дис. ... филол. наук. СПб., 2005.

⁵⁸ Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1961–1967. Т. 4. С. 759.

⁵⁹ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949. С. 6.

УДК 398.8(470)+378.4(470.44–25)

НАРОДНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ САРАТОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА (1940–2010-е годы)

Е. В. Киреева

Саратовский государственный университет
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья посвящена характеристике состояния ведущей области русского фольклора – народной и литературной песенной лирике – в публикациях и исследованиях фольклористов Саратовского государственного университета периода 1940–2010-х гг. Более подробно рассмотрен вклад в данную область выдающегося фольклориста Т. М. Акимовой, 115-летие которой отмечается в 2014 г., а также профессора В. К. Архангельской. Менее подробно охарактеризованы аспекты рассмотрения данной области их учениками – аспирантами, нынешними сотрудниками кафедры истории русской литературы и фольклора ИФиЖ СГУ, студентами.

Ключевые слова: фольклористы Саратовского государственного университета, народная и литературная песенная лирика, публикации, исследования.

Folk and Literary Song Lyric In Publications and Studies by Saratov University Folklore Researchers (1940–2010)

E. V. Kireeva

The article characterizes the state of the leading sphere of the Russian folklore – folk and literary lyric poetry – in the publications and studies of the folklore researchers of Saratov State University in 1940–2010. The contribution into the sphere by the outstanding folklore specialist T. M. Akimova, whose 115th anniversary is celebrated in 2014, as well as the input of professor V. K. Arkhangel-

skaya are given a more in-depth consideration. Research of this sphere by their disciples – graduate and post graduate students, current members of the chair of the history of Russian literature and folklore of the Institute of Philology and Journalism – is characterized in a less detailed way.

Key words: Saratov State University folklore specialists, folk and literary song lyric poetry, publications, research.

Запись бытующих в народе песен осуществляется студентами и сотрудниками СГУ в ходе фольклорных экспедиций и практик начиная с 1920-х гг. по настоящее время. Тексты хранятся в архиве учебной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой» и переводятся в электронную форму. Записи 1920–1980-х гг. частично опубликованы в сборниках «Фольклор Саратовской области», «Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья», «Сказы и песни о Чапаеве»¹, в виде приложений в ряде статей². Материалы песенного архива стали предметом анализа в диссертации Е. В. Киреевой, используются при подготовке публикаций по теме диссертационного исследования аспиранткой кафедры А. П. Бышкиной (ныне – Грапп). Песенные тексты архива привлекались при написании дипломных работ, выполненных под руководством Т. М. Акимовой, В. К. Архангельской, А. Н. Березневой, Е. В. Киреевой, Л. Г. Горбуновой.